

A 20

5/181

A 205
181

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ДИПЛОМАТА.

1855.

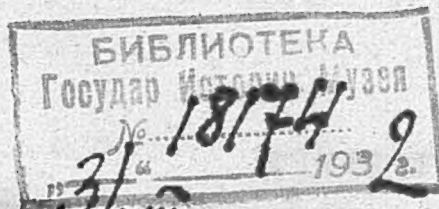
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1857.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 3 декабря 1857 г.
Ценсоръ *И. Лажечниковъ*.

(Изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, № 260, 1857 года.)

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ СТАРАГО ДИПЛОМАТА.

1855.

Смерть графа Сергія Семеновича Уварова, послѣдовавшая 4-го сентября сего года, послѣ долговременной болѣзни, привела мнѣ на память много старинныхъ событій. Это одинъ изъ товарищей моихъ юныхъ лѣтъ. И тогда онъ уже любилъ заниматься литературою и чтеніемъ книгъ ученыхъ и полезныхъ. Онъ зналъ много языковъ, писалъ хорошо стихи, особенно французскіе, и блисталъ въ обществахъ своею любезностію. Послѣ довольно-продолжительной разлуки, я въ 1808 году съѣхался съ нимъ въ Вѣнѣ. Онъ былъ причисленъ къ нашему тамъ посольству, равно-какъ и братъ мой Константинъ и кн. Гр. Из. Гагаринъ. Я часто видалъ Уварова у милой нашей княгини Багратіонъ (супруга знаменитаго генерала и любимца Суворова князя Петра Ивановича). Къ ней съѣзжалось отборнѣйшее вѣнское общество и дипломатическій корпусъ. Тутъ часто бывалъ из-

вѣстный принцъ де-Линь *), не менѣе извѣстная мад. Stael Holstein, генералъ Поццо ди Борго, Б. Анстетъ, Алекс. Алекс. Бибиковъ, графъ Юрій Александр. Головкинъ **), кав. Малліа, князь Эстергази,

*) Австрійскій фельдмаршалъ принцъ де-Линь занималъ много собою Европу въ послѣдней половинѣ 18-го столѣтія и былъ любимцемъ Іосифа II, который употреблялъ его во многихъ важныхъ случаяхъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Въ сію послѣднюю эпоху, о коей здѣсь упоминаю, былъ онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но еще бодръ, сохраняя всю пылкость молодости, имѣя даже притязанія на успѣхи въ любви. Не разъ видалъ я его подъ вечеръ сидящаго на вѣнскихъ бульварахъ въ щегольскомъ венгерскомъ костюмѣ. Онъ не любилъ, чтобы пріатели и знакомые, мимо его проходившіе, узнавали его и начинали съ нимъ говорить. Принцъ де-Линь сопровождалъ Императрицу Екатерину II въ путешествіи Ея Величества по Крымскому Полуострову въ 1787 году. Онъ былъ великій обожатель премудрой сей Государыни, которую иначе не называлъ, какъ *Екатериною Великимъ* (Catherine le Grand). Принцъ де-Линь былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ почти со всѣми государями, царствовавшими въ его время, равно-какъ и съ литераторами, тогда славившимися. Старый фельдмаршалъ издавалъ всякій годъ свѣжій томъ своихъ сочиненій, наполненныхъ различными занимательными, но по большей части весьма-небрежно составленными статьями. Онъ былъ большой охотникъ писать стихи, въ коихъ острые мысли и умъ вознаграждали многіе недостатки. Въ 1808 году отпечатывался, ежели не ошибаюсь, XXIII томъ, подъ заглавіемъ: «Oeuvres mêlées du P-se de Ligne». Сочиненія сіи издавались посредствомъ подписки и довольно неисправно, а когда подписчики жаловались на неисправность, то милый старикъ говаривалъ имъ слѣдующее: *attendez donc, prenez patience, je ferai paraître dix volumes à la fois* (погодите, возьмите терпѣніе, я издамъ десять томовъ вдругъ!)

**) Графъ Ю. А. Головкинъ извѣстенъ посольствомъ своимъ въ Китай, въ царствованіе Императора Александра Павловича. Онъ былъ человѣкъ умный, чрезвычайно-пріятнаго обхожденія, и напоминалъ царедворцевъ вѣка Людовика XIV. При видной, значущей фигурѣ, имѣлъ онъ

Генцъ *), многіе министры чужестранныхъ дворовъ, и всѣ Русскіе, находившіеся тогда въ Вѣнѣ. Братъ мой былъ у княгини на самой короткой, дружеской ногѣ. Я не буду описывать прелести и ума

всѣ качества, отличающія искуснаго дипломата. Онъ дожилъ до глубокой старости и лишился наконецъ совершенно зрѣнія, но сохранилъ всегдашнюю свою любезность. Я видѣлъ графа Головкина въ проѣздъ его черезъ Москву въ годъ его кончины. Когда дочь его княгиня Наталья Юрьевна Салтыкова сказала ему, что я пріѣхалъ его навѣстить, то графъ протянулъ мнѣ руку свою, при слѣдующихъ словахъ: «je ne puis pas Vous assurer, mon «cher Mr. de B., que je suis enchanté de vous revoir, car j'ai «entièrement perdu la vue, mais asseyez-vous à côté de moi, «j'aurai du plaisir à me rappeler avec vous des temps passés, «car si j'ai perdu les yeux, j'ai conservé la langue et les «oreilles.»

(Не могу сказать вамъ, что радуюсь свиданію моему съ вами, потому-что я совершенно потерялъ зрѣніе, но прошу васъ сѣсть ко мнѣ поближе. Мнѣ очень-пріятно будетъ вспоминать съ вами прошедшее время. Я лишился глазъ, но сохранилъ уши свои и языкъ.)

На обратномъ пути въ Россію изъ поѣздки моей въ Парижъ въ 1819 году, я гостилъ у него три дня въ Вѣнѣ, и привезъ ему письмо отъ графа Ф. В. Ростопчина. Онъ напомнилъ мнѣ тотчасъ это обстоятельство. Графъ Головкинъ былъ тогда посломъ нашимъ въ Вѣнѣ. Письмо графа Ростопчина оканчивалось слѣдующими словами: mon ambassadeur vous dira le reste de vive voix, et vous racontera les belles choses qui se font ici; il serait tems de peindre en *jaune* toutes les maisons de Paris! (Остальное узнаете вы изъ устъ моего посла, онъ вамъ перескажетъ все что здѣсь происходитъ. Пора! давно бы пора все парижскіе дома покрасить въ желтый цвѣтъ). Графъ Ростопчинъ написалъ письмо это при мнѣ, и прежде нежели запечатать далъ мнѣ прочесть его.

Скоро послѣ отъѣзда моего изъ Парижа послѣдовало убіеніе несчастнаго Дюка де Берри.

*) Генцъ былъ секретарь и довѣренное лице князя Меттерниха, и великій ненавистникъ императора Наполеона. Онъ редакторъ всѣхъ официальныхъ бумагъ вѣнскаго

княгини Багратионъ. Кто не зналъ ее лично, вѣрно довольно объ ней наслышался.

Спустя полчаса послѣ прибытія моего въ Вѣну, принесли къ брату записку, которую прочитавши, онъ передалъ мнѣ, улыбаясь. Записка была отъ княгини Багратионъ. Я ее сохранилъ какъ пріятное воспоминаніе золотого для меня вѣка. Она была слѣдующаго содержанія: «J'apprends l'arrivée de «votre frère, j'aime à croire que cela ne changera «pas vos habitudes et que vous m'amenerez chaque «jour mon rival. Je voudrais me rejouer de cette «arrivée pour moi-même, en attendant je m'en rejouis «de tout mon coeur pour vous. (Я сейчасъ узнаю, что братецъ вашъ пріѣхалъ въ Вѣну. Надѣюсь, что отъ этого не измѣнятся ваши привычки, и что вы будете приводить ко мнѣ всякій день соперника моего. Я желала бы радоваться пріѣзду этому за себя собственно, а между тѣмъ радуюсь сердечно за васъ).

Эти строки могутъ служить образцемъ любезности и ума княгини Багратионъ; но пора возвратиться къ главному предмету, о которомъ я хотѣлъ говорить, то-есть къ графу Уварову.

Случилось на одномъ изъ пріятныхъ вечеровъ у княгини, что рѣчь зашла о счастіи на семь свѣтѣ. Всякій толковалъ по-своему. Княгиня сказала, указывая на моего брата: pour celui là il ne mettra pas son esprit à la torture, pour nous faire la

двора того времени и сочинитель многихъ колкихъ брошюръ, въ которыхъ не щадили Наполеона. Во время вѣнскаго конгресса Генцъ былъ секретаремъ конференціи и редакторомъ протоколовъ.

définition du bonheur... on voit le bonheur peint sur sa figure depuis l'arrivée de son frère. J'ai toujours cru que ce n'était qu'une femme qui pût aimer comme cela. (Что касается до него, то ему не будетъ дѣломъ головоломнымъ объяснить намъ, что такое счастье. У него счастье изображается на всѣхъ чертахъ лица, съ приѣзда брата его. Мнѣ все казалось, что такъ любить способны только женщины).

Немало насъ тогда позабавило мнѣніе князя Т***, который съ какимъ-то восторгомъ провозгласилъ слѣдующую истину: on pourra dire, объявилъ онъ торжественно, ce qu'on voudra, mais il n'y a pas selon moi, de plus grand bonheur sous la calotte des cieux; que la vie de Paris! Послѣ чего началъ онъ довольно-плодовито и скучно рассказывать о театрахъ, прогулкахъ и веселостяхъ парижскихъ.

Докторъ Капелини прервалъ, къ общему удовольствію, рассказы князя сими словами: Paris et Paris! on vous jette toujours ce Paris à la figure... mais à quoi est-il bon votre Paris, mon prince, quand on n'a rien dans les poches? Paris est charmant quand vous avez gagné le gros lot de la lotterie. (Парижъ да Парижъ! только и толкуютъ, что о Парижѣ; но что, князь, въ вашемъ Парижѣ, когда нѣтъ гроша въ карманѣ? Парижъ прекрасенъ, какъ выиграешь первый призъ въ лотереѣ).

Le docteur a raison, возразилъ принцъ де-Ланъ, parlez-moi de Naples par exemple, n'est-ce pas, Capelini? Vedi Napoli e poi muori! Ce n'est qu'avec le ciel de Naples devant soi qu'on peut se passer d'argent et s'amuser à faire le lazzarone... А vous,

adorable princesse, прибавилъ онъ, обращаясь къ княгинѣ: qu'est-ce que le bonheur? où git-il? (Ну! право, докторъ дѣло говоритъ. То ли дѣло Неаполь, напримѣръ? Не такъ ли, Капелини? *Vedi Napoli e poi muori!* Только подъ прекраснымъ небомъ Неаполя можно обойтись безъ денегъ и вести праздную жизнь лазарони. Теперь ваша пришла очередь, прибавилъ онъ, обращаясь къ княгинѣ, что такое счастье? гдѣ оно живетъ?)

Que voulez-vous que je vous dise? отвѣчала милая хозяйка: je suis assez franche pour vous avouer, que chez nous autres femmes le bonheur git quelques fois, dans un joli bonnet, ou une belle robe. (Что мнѣ вамъ сказать. Я сознаюсь вамъ откровенно, что у насъ, женщинъ, счастье заключается иногда въ прекрасномъ чепчикѣ или щегольскомъ платьѣ). Всѣ разсмѣялись этому чистосердечному признанію. Разговоръ принималъ оборотъ веселый и откровенный.

Eh! bien, Ouwarof? Vous-vous taisez. Dites nous donc quelque chose aussi. Que pensez-vous de tout cela? mais soyez aussi franc que moi je l'ai été ска-
зала княгиня. Уваровъ, подумавъ немного, отвѣчалъ: «mais c'est qu'il y aurait tant de choses à dire, princesse.... je ne suis pas une femme: un joli bonnet, une belle robe ne feraient pas mon bonheur.... mais par exemple si en me couchant cette nuit, j'allais voir en rêve que je suis ministre de l'instruction publique, cela ne serait sûrement qu'un fort beau rêve.... mais si à mon reveil je trouvais sur ma table de nuit le diplôme du ministère en question, cela ne serait pas mal du tout, et ressemblerait un peu au

bonheur. (Отчего вы молчите, Уваровъ? Скажите намъ также что-нибудь. Что вы думаете объ этомъ? Но будьте откровенны какъ я, сказала княгиня. Уваровъ, подумавъ немного, отвѣчалъ:—Я не женщина, прекрасный чепчикъ или щегольское платье не составили бы моего счастья, но еслибъ я, напримѣръ, ложась сегодня спать, увидѣлъ во снѣ, что я министръ народнаго просвѣщенія.... это было бы, конечно, не болѣе какъ пріятное сновидѣніе, но еслибъ просыпаясь по утру, я нашелъ на моемъ ночномъ столикѣ указъ объ этомъ назначеніи, очень было бы это не дурно, и какъ-будто походило бы нѣсколько на счастье).

Ne dirait-on pas, mon cher Ouwarof, возразилъ принцъ де-Линь: qu'il s'agirait de faire passer un châteaueau par le trou d'une aiguille et que vous parlez là d'une chose impossible.... je regrette seulement qu'alors je serai déjà probablement mort, et que les vers qui me rongeront, m'empêcheront d'aller vous embrasser et vous offrir mes felicitations. (Да развѣ это такъ же трудно, любезный Уваровъ, возразилъ немедленно принцъ де-Линь, какъ продѣть верблюда сквозь ушко иглки? Развѣ вы толкуете о дѣлѣ невозможномъ? Я жалѣю только объ одномъ.... меня не будетъ уже тогда, вѣроятно, на свѣтѣ, и пожирающіе меня черви не позволятъ мнѣ васъ обнять и принести вамъ мое поздравленіе).

Уваровъ былъ въ то время только одинъ изъ младшихъ камер-юнкеровъ Двора, но вотъ какія возникали уже мысли честолюбія въ его умѣ. Спустя болѣе сорѣкъ лѣтъ послѣ того, одержимый

неизлечимою болѣзнію, отъ которой онъ и умеръ, Уваровъ былъ уволенъ по просьбѣ своей отъ управления Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Онъ переѣхалъ жить въ Москву и занималъ комнаты въ той же прекрасной гостинницѣ Варгина на Тверской, гдѣ жила дочь моя, княгиня Д-ва. Уваровъ очень любилъ ея общество, и я довольно-часто навѣщалъ съ нею больного.

Несмотря на свою слабость и частое отсутствіе памяти, Уваровъ обѣдалъ всегда съ своими гостями, а вечеромъ игралъ съ ними въ карты. Разговаривая съ нимъ однажды о событіяхъ давно-прошедшихъ, я напомнилъ ему описываемый мною довольно-странный эпизодъ, лично до него касающійся.

Тутъ завязался между нами споръ. Уваровъ утверждалъ, что я вѣрно шучу, что онъ очень помнить это время и прелестную княгиню Багратионъ, что онъ и братъ мой были причислены въ то время къ вѣнскому посольству, но что меня въ то время въ Вѣнѣ не было, и что онъ впервые слышитъ о прекрасномъ снѣ, о которомъ я рассказываю, что я служилъ также по дипломатической части, но не въ Вѣнѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и проч.

Я также ему объяснялъ, что въ эпоху, о которой говорю, я былъ секретаремъ посольства въ Неаполѣ, и проѣзжалъ въ то время черезъ Вѣну на пути изъ Палермо въ Санктпетербургъ, куда былъ отправленъ посланникомъ Дм. Павл. Тати-

щевымъ съ депешами и словесными порученіями къ канцлеру графу Румянцеву *).

По слабости памяти Уварова, всѣ сіи обстоятельства могли въ умѣ его перепутаться, онъ могъ и вовсе забыть, а можетъ-быть и не хотѣлъ сознаваться въ воздушныхъ замкахъ юнаго своего честолюбія, которое можно было ему впрочемъ простить въ уваженіе ранняго его образованія и дарованій, которыми былъ онъ столь щедро надѣленъ отъ природы.

Послѣ описаннаго мною вечера у княгини Багратионъ, князь Т*** сдѣлался постояннымъ предметомъ шутокъ принца де-Линя, который любилъ насмѣшливо повторять: *quand on pense cependant que sans le prince T*** nous ne saurions pas qu'il y a dans ce monde une ville qui s'appelle Paris, un boulevard qui s'appelle le boulevard des Italiens, un café qui s'appelle le café Tortoni, et quand il se met à parler du théâtre de la Gaieté, nous nous sentons transportés au théâtre de l'ennui etc.* Когда спрашивали стараго фельдмаршала: *qu'y-a-t-il de nouveau, monseigneur?* Онъ любилъ отвѣчать съ видомъ удивленія: *Vous ne savez pas? Comment*

*) Хотя и не было явнаго разрыва, но дѣйствія Англіи противъ Россіи были непріязненны, эскадра адмирала Сениавина, находившаяся въ Лиссабонѣ блокировалась, крейсеровавшіе въ Средиземномъ Морѣ англійскія мелкія военныя суда перехватывали нашу корреспонденцію и препятствовали сношеніямъ нашимъ съ берегами Италіи. Избѣгая по возможности открытаго моря, я переправился изъ Палермо въ Сардинію, потомъ черезъ Корсику и островъ Эльбу прибылъ благополучно въ Піомбино и наконецъ въ Вѣну.

vous ne savez pas la grande nouvelle? mais adressez-vous donc au prince T*** qui vient de faire la découverte d'une ville qui s'appelle Paris et dans laquelle il y a une quantité de théâtres, des boulevards, des cafés et des amusemens sans fin. Надобно впрочемъ и сознаться, что князь Т*** очень надобдалъ всѣмъ безконечными своими разсказами о Парижѣ.

Въ «Journal des Débats» помѣщена была, не помню точно въ которомъ году, прекрасная статья, сочиненія графа Уварова. Онъ въ ней описываетъ вѣнское общество, разсказываетъ разные анекдоты о любимомъ всѣми принцѣ де-Линѣ, но объ истинномъ земномъ счастьи въ его статьѣ не было рѣчи.

Старый фельдмаршалъ, скончавшійся въ Вѣнѣ во время знаменитаго конгресса, сохранялъ, несмотря на тяжкую болѣзнь, всегдашнюю веселость. Онъ говорилъ навѣстившему его графу Андрею Кирилловичу Разумовскому: Vous ne savez plus ce que vous devez inventer pour amuser les souverains que vous avez rassemblé ici... attendez un peu, je viendrai à votre secours en mourant; Vienne offrira quelque chose de nouveau: le spectacle de l'enterrement d'un maréchal autrichien. (Вы не знаете уже, что и выдумать для увеселенія государей, съѣхавшихся въ Вѣну.... Погодите, я помогу вамъ смертію своею. Въ Вѣнѣ представится новое зрѣлище: похороны австрійскаго фельдмаршала).

Всѣмъ извѣстно острое словцо принца де-Линя насчетъ вѣнскаго конгресса Le congrès danse, mais ne marche pas. (Конгрессъ танцуетъ, а все-таки

не подвигается впередъ). И подлинно, дѣла конгресса начинали запутываться, тогда-какъ балы и увеселенія шли своимъ порядкомъ.

Вотъ и эпитафія, которую сочинилъ самъ себѣ принцъ де-Линь:

Ci git de tout son long couché
Le maréchal prince de Ligne;
Il a beaucoup pêché,
Mais ce n'était pas à la ligne.

Для пополненія рассказовъ моихъ о разныхъ лицахъ того времени, прибавлю еще нѣсколько словъ о нашемъ послѣ въ Вѣнѣ князѣ Александрѣ Борисовичѣ Куракинѣ, которому мы оба съ братомъ обязаны были опредѣленіемъ своимъ къ миссіямъ: онъ къ вѣнской, а я къ неаполитанской. Князь Александръ Борисовичъ былъ истинный вельможа, какъ по чувствамъ, образованію, такъ и по богатству, щедрости и знатному своему роду. Онъ жилъ всегда большимъ бариномъ; всѣ его дѣла и помышленія основывались на неограниченной преданности къ Царскому Дому и любви къ отечеству. Кому неизвѣстны чрезвычайная доброта души его, готовность всѣмъ угождать и отличная вѣжливость, отъ коей едва не лишился онъ жизни во время бала, даннаго въ Парижѣ австрійскимъ посломъ княземъ Шварценбергомъ, для празднованія бракосочетанія Наполеона съ эрцгерцогинею Маріею-Луизою? Деревянная, на-скоро построенная зала, въ коей танцовали, была вдругъ объята пламенемъ. Всѣ начали выбѣгать: вмѣсто того, чтобы думать, по примѣру другихъ, о собственномъ своемъ спасеніи, князь Александръ Борисовичъ

безпрестанно останавливался и очищалъ дорогу проходившимъ дамамъ. Онъ былъ наконецъ сбитъ съ ногъ выбѣгавшею толпою и найденный на полу безъ чувствъ, перевезенъ домой съ обожженными руками и лицомъ.

Люди, обращающіе вниманіе свое на одни недостатки всякаго человѣка, упрекаютъ князя Куракина въ излишней страсти къ наружному блеску. Это правда, что онъ любилъ являться въ парчевыхъ или богато-вышитыхъ кафтанахъ, покрытый алмазами, украшенный орденами. Что же тутъ предосудительнаго для представителя россійскаго Императора? О! какъ желательно, чтобы всѣ новѣйшіе царедворцы не имѣли другихъ слабостей, кромѣ тѣхъ, въ коихъ строгіе судьи обвиняютъ добраго и почтеннаго князя Александра Борисовича Куракина!

Когда я къ нему явился, то обнявши меня, онъ прежде всего сказалъ: *ah! comme vous arrivez, mon chér, à propos. Je ne savais plus que faire avec votre frère, dont les inquietudes sur votre compte allaient toujours en croissant. L'absence de vos lettres lui faisait croire qu'il vous était arrivé quelque chose de fâcheux, ou même quelque malheur. J'avais beau lui expliquer que vous n'étiez pas à Schönbrunn mais à Palerme, que les communications par mer étaient lentes et très peu sûres, et que même la cour d'ici était sans nouvelles de ses parents de Palerme, et vous savez mieux que moi si S. M. la reine Caroline aime à écrire, прибавилъ онъ улыбаясь. (Какъ вы кстати пріѣхали, мой любезный. Я ужъ не зналъ, что мнѣ дѣлать съ вашимъ братцемъ. Онъ всякій день*

болѣе и болѣе объ васъ сокрушался. Не получая писемъ, онъ воображалъ, что съ вами случилось что-нибудь непріятное и даже какое-нибудь несчастіе. Напрасно представлялъ я ему, что вы не въ Шенбрунѣ, а въ Палермо, что сообщенія моремъ медленны и ненадежны, и что даже здѣшній Императорскій Дворъ безъ вѣстей о своей палермской роднѣ, а вы знаете лучше меня, охотница ли писать ея величество королева Каролина, прибавилъ онъ улыбаясь).

Передавая въ точности сіи слова князя Куракина, я, кажется, и вижу его и слышу. Онъ любилъ наблюдать въ разговорахъ своихъ нѣкоторое педантство и изысканность, употреблялъ длинныя фразы и отборныя слова, говорилъ медленно, съ приостановками, прихлопывая глазами и съ частою улыбкою на устахъ.

Послѣ разныхъ разспросовъ о томъ, что происходитъ въ Сициліи, и о путешествіи моемъ, посолъ, всегда расположенный къ добру и угожденіямъ, прибавилъ : *puisque vous avez eu le bon esprit d'échapper aux dangers de Carybde et Scylla et que vous voilà (je dirai miraculeusement) ici, je vous garderai avec nous quelque temps. Il faut que je dédomage votre pauvre frère des tourmens qu'il a souffert. J'ai ici un feldjäger qu'on envoie de l'armée de Moldavie à Pétersbourg. Je le ferai partir ce soir même, ou demain avec mes dépêches et celles dont vous êtes chargé par M-r de Tatischev et vous, je vous garderai ici pour la première expédition de courrier — et vous comprenez, mon cher, que je ne mettrai pas un grand empressement à vous renvoyer d'ici.*

(Такъ-какъ вы умѣли избѣжать всѣхъ опасностей между Харибдою и Сциллою и находитесь чудеснымъ образомъ съ нами, я удержу васъ здѣсь нѣкоторое время. Надобно же мнѣ вознаградить брата вашего за всѣ претерпѣнные имъ муки. У меня здѣсь фельдъегерь, отправленный изъ молдавской арміи въ Петербургъ. Я отправлю его сей же вечеръ или завтра по утру съ моими депешами и съ тѣми, которыя поручилъ вамъ посланникъ вашъ; васъ же оставляю я здѣсь для первой куріерской экспедиціи, а вы легко поймете, мой любезнѣйшій, что я не буду торопиться отправленіемъ вашимъ).

Вслѣдствіе этого премудраго, благодатнаго распоряженія, я дней десять поблаженствовалъ въ Вѣнѣ съ братомъ; порученіе, данное мнѣ посланникомъ моимъ, не требовало особенной поспѣшности. Я долженъ былъ передать канцлеру на словахъ нѣкоторыя подробности, которыя невозможно было объяснить на бумагѣ. Онѣ относились къ проискамъ разныхъ иностранныхъ державъ, особенно же Англичанъ, и къ домашнимъ раздорамъ палермскаго двора.

Означенный переѣздъ мой изъ Палермо въ Вѣну былъ сопровождаемъ многоразличными странными встрѣчами и приключеніями. Я ограничусь нѣкоторыми краткими разсказами. Въ Калльяри нашелъ я нашего министра, старика Лизакевича и архивскаго моего сотоварища и пріятеля, при этой же миссіи служившаго, князя П. Б. Козловскаго. Я имѣлъ счастіе представиться гонимому и заточенному тамъ Наполеономъ сардинскому королю

Виктору-Эмануэлю, котораго часто видалъ предъ симъ въ Неаполѣ. Князь П. Г. Гагаринъ былъ тогда при его величествѣ посланникомъ нашимъ. Злоба и гоненіе Наполеона всюду преслѣдовали несчастнаго короля Виктора-Эмануэля и онъ былъ постоянно изгоняемъ изъ Турина, Флоренціи, Рима и наконецъ изъ Неаполя, гдѣ искалъ себѣ убѣжища.

Королевою поручены мнѣ были два пакета: одинъ для ея родительницы эрцгерцогини Маріи-Беатриксъ, а другой къ брату ея величества эрцгерцогу Франциску. Королева изволила показывать мнѣ своихъ дѣтей и сказала между-прочимъ: *ma mère me demande toujours les portraits de mes enfans. Si vous avez l'occasion de la voir à Vienne, je vous prierais de lui confirmer de vive voix, ce que je lui ai déjà écrit, que malgré toute ma bonne volonté je ne puis remplir ses desirs, car il m'a été impossible de découvrir dans toute la ville de Cagliari un seul peintre de portraits.* (Павре реине ет павре роуауме! подумалъ я). (Матушка моя неоднократно просила меня прислать ей портреты моихъ дѣтей. Если вы будете имѣть случай видѣть ее въ Вѣнѣ, я прошу васъ подтвердить ей на словахъ то, что я уже писала ей, что несмотря на все мое желаніе исполнить волю ея, я не могла въ цѣломъ городѣ Каліари отыскать портретнаго живописца. (Бѣдная королева! бѣдное королевство! подумалъ я).

Когда я сталъ откланиваться имъ величествамъ, то королева приказала привести опять дѣтей своихъ и представляя ихъ мнѣ по одиначкѣ, приба-

вила: je vous prierai de dire à ma mère, que vous avez vu mes enfans en parfaite santé.... Et que nous baisons les mains de grande maman, прибавили милыя малютки. (Я прошу васъ сказать матушкѣ, что вы видѣли всѣхъ моихъ дѣтей совершенно здоровыми..... И что мы цѣлуемъ бабушкины ручки).

Я не видалъ въ жизнь мою болѣе прелестныхъ дѣтей; особенно между ними были прекрасны двѣ принцессы (двойни), которыми королева разрѣшилась отъ бремени въ Римѣ, лѣтъ шесть или семь назадъ. Мнѣ казалось, что у меня передъ глазами два ангела, сошедшіе съ неба. Понятно, что бабушка желала имѣть портреты своихъ прекрасныхъ внучекъ. Въ Италіи тогда много говорили о красотѣ дѣтей сардинскаго короля.

Пробравшись чрезъ заливъ въ Корсику, я долженъ былъ въ Бонифачіо, въ какой-то скверной, полуразвалившейся башнѣ, подвергнуться карантинному заключенію; но я рѣшился написать къ главному начальнику острова, генералу Морану письмо и отправить его съ нарочнымъ. Я удостоверялъ его, что изъ Палермо можно привозить только померанцы и здоровье, а не чуму, но что во всякомъ случаѣ я его умоляю заставить меня по-крайней-мѣрѣ выдерживать карантинъ въ Аяччіо, а не въ Бонифачіо. Генералъ Моранъ былъ такъ любезенъ, что освободилъ меня немедленно отъ карантина, приглашая пріѣхать въ Аяччіо прямо къ нему въ домъ. Письмо его оканчивалось сими словами: je pense, monsieur, que vous serez plus agréablement dans ma maison, que dans cette

tour de Bonifacio, dont vous vous plaignez si amèrement. (Я надѣюсь, что вамъ пріятнѣе будетъ находиться въ моемъ домѣ, нежели въ этой карантинной башнѣ, на которую вы такъ горько жалуетесь).

Я долженъ былъ за дурною погодою трое сутокъ прожить въ Аяччіо, но я на этотъ карантинъ ни мало не сѣтовалъ. Я занималъ двѣ прекрасныя комнаты въ домѣ главнокомандующаго, человѣка весьма-умнаго и образованнаго. Madame Моранъ была любезная и прекраснѣйшая собою женщина. Мужъ и жена старались мнѣ угождать всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Въ честь мою былъ данъ на другой день моего пріѣзда обѣдъ, къ коему приглашены были всѣ островскія власти, а на третій день былъ балъ. Я усердно танцевалъ. Хозяйка красотою своею, ловкостію въ танцахъ и щегольскимъ туалетомъ затмѣвала всѣхъ дамъ.

Во время прогулки съ генераломъ Мораномъ по городу я просилъ его показать мнѣ мѣсто рожденія Наполеона, но домъ, въ которомъ онъ родился, тогда уже не существовалъ. Сломка его сдѣлалась необходимою дляукрашенія этой части города, послѣ бывшаго тутъ пожара. Случилось одинъ разъ, что мы встрѣтились на улицѣ съ кормилицею всемірнаго завоевателя. Моранъ остановился, чтобы съ нею разговаривать нѣсколько минутъ. Она была маленькаго роста, довольно еще бодра, и дѣлала обыкновенную свою прогулку пѣшкомъ по тамошнему приморскому бульвару. Не мало я удивился, узнавши отъ генерала Морана, что пенсія, ей производимая

отъ щедротъ императора, состояла только изъ 600 франковъ. Надобно полагать, что къ сему были присоединены другія еще выгоды.

На островѣ Эльбѣ я нашелъ два русскихъ корабля *Москву* и *Апостоловъ Петра и Павла*, принадлежавшихъ къ эскадрѣ адмирала Сенявина, находившейся въ Лиссабонѣ. Въ Портоферайо былъ я приглашенъ на обѣдъ, данный для меня и всѣхъ нашихъ моряковъ главнымъ командиромъ генераломъ Дюрютъ, и я находился въ томъ самомъ домѣ, который семь лѣтъ позже служилъ дворцомъ, или, правильнѣе говоря, тюрьмою знаменитому изгнаннику Наполеону Бонапарте, переименованному изъ императоровъ Французовъ въ императоры острова Эльбы!

Въ переѣздѣ мой съ острова Эльбы на берегъ Италіи въ небольшомъ французскомъ корсарскомъ баркасѣ, вооруженномъ одною пушкою, мы чуть не погибли. Насъ застала ужасная буря, и мы должны были бороться съ одной стороны съ быстрымъ теченіемъ пролива, а съ другой съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ. Весь экипажъ нашъ состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ, но мужество сихъ людей, хладнокровіе и благоразумныя распоряженія капитана *Риуфа* спасли насъ отъ неминуемой гибели. Я долженъ былъ наравнѣ со всѣми работать и выливать воду, безпрестанно судно наше наполнявшую. Мы наконецъ, изнеможенные и промокшіе до костей, достигли до благодатнаго берега Италіи.

Ставъ на землю твердую ногою, я былъ объятъ

чувствомъ, котораго перо не въ силахъ выразить и которое изъ души моей никогда не изгладится. Я помню только, что я упалъ какъ-бы невольно на колѣна, на песчаную почву, находившуюся подъ моими ногами, слезы полились у меня изъ глазъ, и всѣ мои мысли обратились ко Всевышнему. То же самое происходило и съ моимъ камердинеромъ Антоніо Пиллари. Тутъ понялъ я всю справедливость и силу старинной морской поговорки: *Кто на морь не бывалъ, тотъ хорошенько Богу не ма-ливался.*

Въ гостинницѣ піомбинской была у меня довольно-странная встрѣча. Я нашелъ здѣсь извѣстнаго дипломата маркиза Лукезини. По праву пріѣзжающихъ мы вступили въ разговоръ, и узнавши имя мое, онъ спросилъ, не родня ли я тому Б...., который былъ россійскимъ посланникомъ въ Варшавѣ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, тогда, какъ и онъ находился тамъ въ томъ же званіи отъ прусскаго двора, и узнавши, что я его сынъ, Лукезини обрадовался и пригласилъ меня къ себѣ обѣдать сими словами: *Ce sera un faible à-compte payé au fils pour tous les excellens diners que le papa nous donnait à Varsovie.* (Это будетъ слабая уплата сыну, за отличные обѣды, коими отецъ его угощалъ насъ въ Варшавѣ).

Я провелъ весьма-пріятно время, слушая разные любопытные рассказы любимца Фридриха Великаго. Много было говорено о моемъ отцѣ. Лукезини рассказывалъ мнѣ напримѣръ, кто когда на редутахъ, гдѣ велась большая карточная игра, подходило маскированное домино къ фараонному столу

и ставило горсть червонцевъ на одну карту, то всѣ уже догадывались, что незнакомецъ этотъ былъ російскій посланникъ. Voilà qui aimait à dépenser, à jouir et à faire du bien, прибавилъ Лукезини. (Вотъ ужъ этотъ, такъ любилъ проживать, наслаждаться жизнью и дѣлать добро!)

Не зная точно образа мыслей маркиза, не начиналъ я разговора о политическихъ дѣлахъ, но онъ самъ завелъ рѣчь о Пруссіи прежнихъ временъ, и о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Онъ заключилъ сужденія свои сими словами: d'autres choses se passent maintenant à Berlin, le tombeau de Frédéric le Grand et l'épée de votre Empereur ne garantiront pas la Prusse des nuages qui lui viennent de Paris! (Не то происходитъ теперь въ Берлинѣ! Гробница Фридриха Великаго и мечъ вашего императора не отвратятъ тучъ, кои идутъ на Пруссію изъ Парижа).

Что же былъ маркизъ Лукезини, игравшій уже въ молодости своей довольно-значительную роль?... что былъ онъ подъ старость свою, тогда, какъ разговаривалъ со мною въ піомбинской гостинницѣ? Онъ былъ камергеромъ сестры наполеоновой Элизы Баччіоки! Вотъ какъ фортуна играетъ людьми и судьбами царствъ! Много посвятилъ бы я еще часовъ пріятному моему собесѣднику, но вѣрный мой путевой товарищъ Антоніо, чуть не умершій отъ страха во время выдержанной нами бури, пришелъ мнѣ сказать, что все готово къ отъѣзду нашему. Я распростился съ маркизомъ Лукезини. День былъ прекрасный; съ высоты балкона гостиницы бросилъ я еще послѣдній прощальный

взглядъ на Эльбу, Корсику и Сардинію, образовавшія въ, дали прелестную живую картину, сѣлъ въ купленную, покуда я обѣдалъ, Пилеромъ маленькую колясочку и отправился въ Вѣну.

10-й экз.

~~M. M. 36~~

